

существования Бога и остается доказывать эту истину, предполагая, будто мир существовал вечно. Маймонид доказывает существование Бога исходя из необходимости перводвигателя (поскольку движение существует), из наличия необходимого бытия, а также и первопричины. Таким образом, существование Бога утверждается и в том случае, если бы мир был создан «ex nihilo», и в том, если бы он существовал целую вечность. Это в точности та позиция, которую в отношении данной проблемы займет св. Фома. В то же время Маймонид решительно отказывает человеку в праве приписывать Богу какие-либо атрибуты, кроме негативных. Мы знаем о Боге, что Он есть, но не знаем, «что такое» Он есть, и единственная возможность, которая остается у нас, если мы хотим говорить о Нем, — это объединение негативных атрибутов, когда, отрицая у Бога наличие какого-либо несовершенства, мы по крайней мере указываем, чем Он не является. В этом учении нетрудно разглядеть в высшей степени иудаистскую озабоченность тем, чтобы устранить любое, даже кажущееся, покушение на строгое и тотальное единство Бога. Если сущность Бога скрыта от нас, то результаты его действия в мире совершенно явно находятся у всех перед глазами. Бог — это со всей очевидностью конечная причина мира и в то же время его действующая причина. Его провидение распространяется на мельчайшие детали всех вещей, а все дурное в мире объясняется либо ограниченностью, присущей нынешнему состоянию творения, либо хаосом, привносимым самим творением, которое ответственно за собственное зло.

Сколь бы проникновенной и глубокой ни была мысль Маймонида, «Путеводитель заблудших» трудно сравнивать с великими христианскими «Суммами» следующего столетия. Он несопоставим с ними ни по числу рассматриваемых проблем, ни по конструктивной мощи, с которой сумел упорядочить их, например, Фома Аквинский. Но от этого влияние Маймонида на христианскую мысль средних веков не становится менее значительным. Еврейский теолог, Маймонид разделял с христианскими теологами веру в Ветхий Завет; значит, он раньше них должен был разрешить проблему его согласования с философией Аристотеля, и они пользовались его опытом, даже когда не следовали ему. Многие из них усвоили из этого опыта тот факт, что в ряде важных вопросов одна только философия не способна достичь истин, содержащихся в Откровении. Св. Фома принял это в отношении творения мира во времени, а Дуне Скот и значительное число его последователей в XIV веке придут к такому же решению — что гораздо важнее — относительно самого монотеизма. Мы еще увидим, как будет повторяться утверждение — нередко с явными ссылками на Маймонида, — что если мы знаем, что Господь Бог един, то знаем потому, что Он Сам сказал это Израилю, а не потому, что можем это доказать. Мы увидим, какое пространство будет разделять с тех пор теологию и философию, и влияние Маймонида в образовании этого пространства несомненно. Впрочем, если мы сравним еврейский XII век с христианским, то сразу заметим превосходство еврейской мысли, которым она обязана тесным связям с арабской философией. У Авиценны и особенно у Аверроэса еврейские философы нашли заимствованную у греков необходимую технику построения понятий и частичных синтезов, которую им теперь оставалось только использовать. Что бы произошло, если бы мощный ум Абеяра смог волею случая унаследовать сокровища, накопленные греческим философским умозрением? Но когда Маймонид черпал из них пригор-

Глава VI. Восточные философские направления

284

шнями, Абеяра использовал всю свою проницательность, чтобы по обрывкам документов восстановить аристотелевскую теорию абстрагирования. С одной стороны, вся философия уже есть; с другой, диалектика, продолженная метафизикой, неполна и ненадежна. Но вот